

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-213-224>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Я. Д. Чечнёв

г. Москва, Россия

ФЕМИНИЗАЦИЯ ТОПОНИМА: «ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ» М. М. ШКАПСКОЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда № 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>

Аннотация: В статье рассматривается урбанистическое своеобразие стихотворного диптиха М. М. Шкапской «Петропавловская крепость» (1922). Отмечено, как в литературной традиции воспринимается «русская Бастилия» и в какую из линий рецепции вписывает себя поэтесса. Архитектурное сооружение получает индивидуально-авторскую трактовку, становится в творческом мире Шкапской «невестой» Петра I. Таким образом развивается один из ключевых мотивов творчества поэтессы (мотив материнства). Показано, что образ невесты-Петропавловки зарождается в стихотворении «О Петербурге» (1915), написанном в Тулузе. Поэтесса уподобляет Петербург невесте «с дымчатой измятой фатой». Неожиданная феминизация города, которому литературная традиция приписывает «мужской» характер (в сравнении с «женственной» Москвой), не получает дальнейшего развития в стихотворении, остается непроясненной. После революции образ невесты вновь возникает в поэзии Шкапской. На примере конкретного локуса Петербурга поэтесса выстраивает историософскую концепцию, связанную с Петром I. Петропавловская крепость предстает невестой первого российского императора, которая возвращает его детей. Стихотворение Шкапской следует считать откликом на дискуссию начала 1920-х гг. о роли Петра I в истории России. Крепость становится символом исторического бытия города, которое не прекратилось с приходом большевиков.

Ключевые слова: М. М. Шкапская, Петропавловская крепость, урбанизм, конструирование, фемининность.

Информация об авторе: Яков Дмитриевич Чечнёв — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9439-0430>

E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Дата поступления статьи: 06.09.2022

Дата одобрения рецензентами: 24.10.2022

Дата публикации: 28.06.2023

Для цитирования: Чечнёв Я. Д. Феминизация топонима: «Петропавловская крепость» М. М. Шкапской // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 213–224. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-213-224>

Интерес к творчеству Марии Михайловны Шкапской за последние четверть века вырос. В литературоведческих исследованиях принято писать о ней как об «однострунной» поэтессе, разрабатывающей тему женской «Голгофы», «страстного пути женщины» [2, с. 261–293; 3, с. 728–729]. То, что указанная тема занимает видное место в поэтической системе Шкапской, не вызывает возражений. Однако, если пристальнее присмотреться к ранней лирике поэтессы, к отдельным стихотворениям в ее сборниках, а также образности ее поэм, то мы убедимся, что не только эмоционально-духовные метания женщины, испытания, через которые она проходит в своей жизни, включая несчастную любовь, материнство в различных его аспектах, отношения с мужчинами и т. п. занимают поэтическое воображение Шкапской. В ее творчестве представлена, например, тема гражданской войны в России («Хождение по саратовским мукам», «Явь» и др.), а также урбанистическая проблематика. В этой статье мы остановимся на урбанистической линии и попытаемся показать своеобразие восприятия конкретного локуса Петербурга — Петропавловской крепости из одноименного стихотворения поэтессы, которое представляется уникальным для истории литературного градоведения.

Петропавловская крепость — одна из доминант города на Неве. Ее силуэт занимает центральное место в панораме исторической застройки Петербурга и по праву считается одним из ее символов. Крепость, деревянный контур которой возвели Ж.Г. Ламбер и В.А. Кириштенштейн, а позже «одел» в камень Д. Трезини, обладает особой аурой, тем, что Н.П. Анциферов называл гением места (*genius loci*) [1, с. 19–20]. Это отличает Петропавловку от других важных петербургских локусов — Невского проспекта, Дворцовой и Сенатской площадей, района Сенной улицы, Литейной стороны и т. д., образы которых нашли отражение в богатой петербургской литературной традиции от М. В. Ломоносова до К. К. Вагинова, современника Шкапской, и последующих авторов (например, в романе О. Стрижака «Мальчик»).

Петропавловская крепость никогда не использовалась по своему прямому назначению — как фортификационное сооружение, предназначенное для защиты города с моря. Уже с первой четверти XVIII в. это была тюрьма для государственных преступников и политических заключенных [16, с. 4]. Распространенным в революционной среде к началу XX в. было мнение о том, что Петропавловская крепость наряду с другим фортом, Шлиссельбургской крепостью, не что иное как «русская Бастилия»: «Кроме Шлиссельбурга в распоряжении самодержавной бюрократии был еще целый ряд крепостей, замков и так называемых центральных тюрем, куда запирались беспокойные люди, не мирившиеся с тем наглым произволом, с тем безграничным деспотизмом, которые всецело царили в России.

И первое место среди всех этих крепостей и замков, без всякого сомнения, принадлежит знаменитой «Петропавловке» [16, с. 3–4]. К концу XIX в. устоялось представление о том, что в эту тюрьму сажали без суда и следствия, что нашло отражение и в литературе. В одном из эпизодов «Воскресения» Л.Н. Толстого одна из второстепенных героинь, Вера Ефремовна Богодуховская, просит Нехлюдова похлопотать в Петербурге об одной из своих товаров, Шустовой, которая «даже и не принадлежавшая

к их подгруппе, как она выражалась, была схвачена пять месяцев тому назад вместе с нею и посажена в Петропавловскую крепость *только потому, что у ней нашли книги и бумаги, переданные ей на сохранение*» (курсив наш. — Я. Ч.) [18, с. 160].

Для мемуаристов в самих названиях Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей скрывалось что-то жуткое: «Невольно рисуются чудовищные ужасающие картины этих домов “пыток смерти”, где трусливое правительство, боясь огласки своих издевательств над “политическими”, немилосердно гноило и медленно морило своих врагов» [19, с. 2]. То же представление подтверждал известный ученый-филолог и историк П.Е. Щеголев, имевший после революции доступ к архивам Департамента полиции, в предисловии к своей книге, посвященной знаменитым узникам Петропавловки — князю С.В. Трубецкому, Н.Г. Чернышевскому, Д.В. Каракозову, С.Г. Нечаеву и менее известному М.С. Бейдеману: «Петропавловская и Шлиссельбургская крепость — самые секретные, самые таинственные тюрьмы для важнейших государственных преступников. Наши сведения о крепостных порядках, о заключенных крайне обрывочны и неполны. Мы не знаем всех, бывших здесь в заключении, не знаем относительно многих, что привело их сюда, какие грехи» [21, с. 5].

Далее Щеголев продолжает: «В окутанной мраком неизвестности Петропавловской крепости была тюрьма, о жизни которой не ведали даже те, кто служил в крепости. Кто сидел там, этого не дано было знать не только чинам комендантского управления, но и тем, кто служил в этой самой тюрьме. Для заключения в эту наисекретнейшую тюрьму и для освобождения отсюда нужно было повеление царя. Вход сюда был позволен коменданту крепости, шефу жандармов и управляющему III Отделением. В камеру заключенных мог входить только смотритель и только с смотрителем кто-либо другой. Попадая в эту тюрьму, заключенные теряли свои фамилии и могли быть называемы только номером. Когда заключенный умирал, то тело его ночью тайно переносили из этой тюрьмы в другие помещения крепости, чтобы не подумали, будто в этой тюрьме есть заключенные, а утром являлась полиция и забирала тело, а фамилию и имя умершему давали по наитию, какие придутся» [21, с. 5].

Порядки, царившие в тюрьме Петропавловской крепости, давали повод к появлению различных слухов, например, о заживо погребенных жертвах царского режима. «Всякий посетивший Петербург путешественник помнит тонкий позолоченный шпиг, поднимающийся примерно до высоты 400 футов над плоским берегом Невы <...>. Это шпиг собора крепости, в котором погребены кости русских царей и вокруг заживо погребены враги царского правительства» [12, с. 37].

Подобного рода кривотолки питали и художественную литературу. Петропавловская крепость предоставляла богатую почву для мифотворчества. Окутанная тайнами, тюрьма будоражила воображение писателей и поэтов. В романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» бредящий Передонов опасается, что его жизнь окончится в крепости:

...Передонову казалось, что у Варвары что-то злое на уме; он отобрал от нее ножи и вилки и спрятал их под постель. Он лепетал коснеющим языком:

— Я тебя знаю: ты, как только за меня замуж выйдешь, так на меня и донесешь, чтобы от меня отделаться. Будешь пенсию получать, а меня в Петропавловке на мельнице смелют» [17, с. 539].

Революционеру Александру Ивановичу Дудкину из «Петербурга» А. Белого, наоборот, «царская тюрьма» кажется спасением от потусторонних преследователей, которыми его напугал Степка, сын лавочника Ивана Степанова (о нем см: [9, с. 658]):

Кто же там очутился в запертой его комнате?..

Может быть — обыск? О, если бы только обыск: он влетел бы на обыск, как счастливейший человек; пусть его заберут и упрячут, хотя б... в Петропавловку. Те, кто спрячет его в Петропавловку, все же хоть люди — во всяком случае не они (разрядка А. Белого. — Я. Ч.) [9, с. 289].

Тайны крепости привлекали и поэтов. Показательным в этом отношении является стихотворение С.А. Андреевского «Петропавловская крепость» (1881), где рисуется картина посмертного существования погребенных в этом месте. Приведем только первую часть стихотворения (во второй лирический герой задает череду риторических вопросов о мыслях и надеждах покойников и в финале приходит к идее примирения всех на том свете):

У самых вод раскатистой Невы,
Лицом к лицу с нарядною столицей,
Темнеет, грозный в памяти молвы,
Гранитный вал с внушительною спицей.
Там виден храм, где искони внутри
Опочивают русские цари,
А возле стен зарыты коменданты,
И тихий плач в гробницы льют куранты,
И кажется, на линию дворцов,
Через Неву, из недр иного света,
Глядят в столицу тени мертвецов,
Как Банко тень на пиршество Макбета... [15, с. 280].

Лирический герой, как следует из приписки к стихотворению («Август 1881. Ночь. Дворцовая набережная»), созерцает Петропавловскую крепость после заката. Он противопоставляет архитектурное сооружение остальному городу: мрачный гранитный вал — нарядная столица; окутавшая форт темнота — городской свет. Крепость у Андреевского изображена крупными мазками: вода, вал, которые в ночи практически сливаются воедино для глаз лирического героя; шпиль Петропавловского собора. В результате получается, что против Петербурга стоит нечто темное с единственной четко очерченной, подсвеченной огнями беззаботной столицы, деталью — спицей, тонкость которой ассоциируется с тонким оружием (шпагой, рапирой). В «вооруженной» таким образом против города крепости лирический герой разглядел два топонима — собор, в котором «опочивают русские цари», и комендантское кладбище, где погребены бывшие начальники крепости. Некрополь с остатками царей и рассеянными останками комендантов вносит в изображение дополнительный макабрический оттенок.

Финал приведенной части расставляет все на свои места: смерть в облики мертвецов не дремлет, а наблюдает за столицей, вооружившись спицею. С какою целью производится эта своеобразная «разведка»? Если развернуть шекспировскую аллюзию последнего стиха, то ответ становится вполне очевидным. Призраки Петропавловки явились красочной нарядной столице в укор за ее смертный грех, подобно тому, как возник на пиру Макбета военачальник Банко, убитый из-за боязни дворцового переворота (как известно, по предсказанию ведьм потомки Банко должны были править Шотландией). Благодаря этому мрачные тона, в которые окрашивает крепость Андреевский, могут быть истолкованы как предзнаменование беды, на пороге которой находится веселящийся Петербург. О каких конкретно горестях, грозящих городу, в стихотворении не говорится, поскольку тревога первой части сменяется метафизическим успоко-

ением во второй — пред очами Господа Бога, по мысли лирического героя, все и все прах: «Они (куранты Петропавловской колокольни. — Я. Ч.) поют в синюющем тумане / О свергнутых земных богатырях, / О роскоши, исчезнувшей в нирване, / О подвиге, задавленном впотьмах, — / О той поре, где всякий будет равен, / И, внемля им, подумаешь: “Коль славен...”» [15, с. 281].

Апокалиптической частью своего стихотворения (мертвецы грозят живому городу) Андреевский напоминает об антипетровской историософской традиции, идущей, как известно, еще от «предсказания» опальной царицы Евдокии Лопухиной, получившего позднее каноническую форму — «Петербургу быть пусто» («Петербургу пусто быти»), продолженную славянофилами, Н.Я. Данилевским, отчасти Ф.М. Достоевским, а в первой четверти XX в. — Д.С. Мережковским («Антихрист (Петр и Алексей)»), Андреем Белым («Петербург»), Б.А. Пильняком («Санкт-Питер-Бурх», «Его Величество Кнеeb Piter Komandor») [5].

Другую позицию, которую можно обозначить как пропетровскую (преобразования Петра I оказались полезны для России), занимает М.М. Шкапская. Петропавловская крепость из одноименного диптиха (1922) становится в творческом мире поэтессы невестой первого российского императора. Таким образом один из ключевых мотивов (мотив материнства) получает свое развитие после первой книги Шкапской «Mater Dolorosa» (1921). Но прежде чем мы перейдем к «Петропавловской крепости», необходимо кратко осветить роль Петербурга в жизни и творчестве поэтессы, а также обозначить истоки образа невесты-Петропавловки.

Шкапская была коренной петербурженкой: четыре поколения ее предков жили в этом городе.

Родиться мне пришлось в Петербурге (3 октября 1891 г.) на Вознесенском проспекте петербуржанкой (так! — Я.Ч.) в 4-м поколении, старшей в многодетной семье маленького питерского чиновника Михаила Петровича Андреевского. <...>

Выросла я в большой нищете в тех петербургских трущобах, о которых часто не знают многие называющие себя петербуржцами — в районе Колтовских и Сурских, в непосредственной близости к общественной свалке городского мусора [20, с. 167].

В процитированном фрагменте прежде всего обращает на себя внимание происхождение будущей поэтессы, даже не оно само, а его литературность: Шкапская — дочь маленького петербургского чиновника, за образом которого стоит галерея художественных образов: от пушкинского Самсона Вырина и гоголевского Акакия Акакиевича через униженных и оскорбленных Достоевского до героев «Гарпагоианы» Вагинова. Упоминание о жизни в петербургских трущобах отсылает к одноименному роману Вс. Крестовского, а также к традиции «физиологий» города (Н.А. Некрасов, Д.В. Григорович, И.И. Панаев, В.И. Даль, Е.П. Гребенка и др.). Названы Шкапской и конкретные петербургские локусы, где она провела детство — Колтовские и Сурские районы, расположенные в северо-западной части Петербургского (Петроградского) острова (в окрестностях современных ул. Академика Попова, ул. Грота и Песочной набережной). В 1890-е гг. эта местность была глухой городской окраиной [11, с. 196], и только в начале XX в., с постройкой постоянно действующего каменного Троицкого моста в 1903 г. [11, с. 132], Петербургский остров начал постепенно превращаться в фешенебельный район с замечательными образцами архитектуры северного модерна.

Несмотря на бедственное положение в детстве и юности, а также безрадостные картины Колтовских и Сурских районов, будущая поэтесса не избирает своей urba-

нистической темой проблематику «Вяземских лавр», рынков, толкучек, петербургских «углов», подворотен и кабаков (мармеладовско-свидригайловская линия в «Преступлении и наказании»), где души «маленьких людей» находятся в невыносимом страдании, погружены в бесплодные мечтания или гордые думы, подобно героям Достоевского или вышеупомянутого Дудкина из «Петербурга» А. Белого. С первых шагов в литературе, будучи еще гимназисткой, Шкапская (тогда Маруся Андреевская) занимается составлением галереи памятных топонимов, с которыми связаны эмоциональные переживания: первая любовь, дружба, гимназические шалости и т. п. Среди таких мест — Петровская гимназия и Большой проспект Петроградской стороны (см. некоторые ранние стихотворения начинающей поэтессы в: [4]). В этот период начался диалог с Петербургом, любовь к которому у Шкапской окрепла после длительного с ним расставания.

Революционно настроенная поэтесса в 1913 г. была вместе со своим мужем вторично арестована царской полицией по делу витмеровцев, т. е. учеников средних учебных заведений, которые собирались в гимназии О.К. Витмер [13, с. 17–21]. «После двухмесячного заключения <...>, — вспоминает Шкапская, — муж был административно выслан в Повенецкий уезд, я должна была последовать за ним, но высылка была заменена выездом за границу» [20, с. 174]. В 1916 г. срок высылки истек, и поэтесса смогла вернуться на родину. В общей сложности расставание с Петербургом составило три года.

За этот период Шкапская не раз с ностальгией вспоминала о любимом городе. Для нашей темы феминизации топонимов интересно одно стихотворение — «О Петербурге», написанное в Тулузе 12 января 1915 г. (авторская датировка). Истоки образа невесты-Петропавловки находим уже в нем. В начале стихотворения поэтесса развивает хрестоматийный тезис из «Подростка» Достоевского о призрачности, фантастичности города. Напомним слова героя: «Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: “А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?”» [10, с. 113]. Шкапская не акцентирует внимание на негативных оценках города, данных Аркадием Долгоруким («гнилой, склизлый»). Вместо этого поэтесса подчеркивает амбивалентность Петербурга, который, будучи призрачным, все же, как уверена ее лирическая героиня, стоит на прежнем месте: «Знаю я — стоит на прежнем месте — / Призрачный и шумный, и пустой, / Белой уподобленный невесте / С дымчатой измятою фатой» [20, с. 151]. Неожиданная феминизация города, которому литературная традиция приписывает мужской характер (в сравнении с «женственной» Москвой [14]), не получает дальнейшего развития в стихотворении, остается непроясненной.

Загадочный Петербург-невеста в финале стихотворения заслоняется другим образом — Петербургом-Атлантидой, водным царством, метафорика которого разработана русской поэтической традицией, начиная с «Подводного города» (1847) М.А. Дмитриева до «Подводного города» (1930) современника поэтессы Н.А. Заболоцкого. Но если в названных стихотворениях развивалась тема гибели города от водной стихии, его посмертного существования на дне морском, то у Шкапской Петрополю ничего не грозит. Поэтесса делает упор именно на подъеме Петербурга из воды, тем самым переворачивая традиционные эсхатологические представления: Атлантида побеждает стихии и остается на плаву — «Тонким обаянием послушна, / Чувствую в душе твои следы — / Весь ненастоящий и воздушный / Город, выходящий из воды» [20, с. 151].

Образ невесты, непроясненный в стихотворении 1915 г., возникает уже после революции — в диптихе «Петропавловская крепость» (1922).

1

Когда сентябрьскую тишь
Колеблют звездные качели —
Каприз изысканный Растрелли,
Ты кораблем в Неве стоишь.

Твой нос — седые бастионы,
А мачтой — вознесенный шпиц,
Но не видать матросских лиц
С кормы недвижимой и зеленой.

И вечно с моста Биржевого
Тебе положена чреда:
Ты в новый путь всегда готова,
Но не отчалишь никогда.

2

Замшелых стен седая вязь,
Как не отдать последней чести
И как пройти не поклонясь
Петровой каменной невесте.

Стоишь — на смерть Петру верна,
И вечно горькой крови нашей
К твоим губам поднесена
Неупиваемая чаша [20, с. 63–64].

Как видно из второй части, обрученицей оказывается само архитектурное сооружение: «И как пройти, не поклонясь / Петровой каменной невесте». Таким образом мотив обещанной жены находит свое продолжение спустя семь лет после его появления в поэзии Шкапской.

Стихотворение написано по окончании Гражданской войны в России. В этот период начались ожесточенные споры об императорском наследии и значении личности Петра I. «На повестке дня стояли задачи просветительские — разоблачение всяких “сказок”, “мифов”, легенд и преданий» [6, с. 28]. Показательным в этом отношении является упоминание Г.Е. Зиновьевым, председателем Петроградского совета, имени историка-самоучки и петербургского краеведа П.Н. Столпянского на IV сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в октябре 1922 г. Столпянский отвергал «магию» гения места Петербурга, а вместе с ним роль его создателя — Петра I. [6, с. 255-257] Общеизвестное значение, придаваемое в русской культуре легенде о строителе чудотворном, построившем на берегах Невы новый город, исследователем также не признавалось.

Мнение Столпянского разделяли и большевистские лидеры. Петр I для них был помехой в создании новой истории Советской России, для которой Петербург-Петроград был проводником большевистской идеологии по всей стране, городом, с которого началось победное шествие рабочих и крестьян. «Не так давно, — говорил Зиновьев, — появилась интересная книжечка Столпянского, которая называется “Революционный Петроград”. Автор задался в высшей степени интересной и благодарной задачей дать

очерк революционного Петрограда, начиная с декабристов. И по его страницам мы ясно видим, что *чуть ли не каждый крупный дом Петрограда связан с важнейшими событиями в истории освободительного движения нашей страны* (курсив наш. — Я.Ч.). Сплошь и рядом мы натываемся на дома, в которых жили зачинатели освободительного движения еще в тех формах, которые были далеки от форм нашей борьбы. Сплошь и рядом мы проходим мимо домов, где были, скажем, нелегальные типографии. Вы все знаете, что тюрьмы питерские связаны с важнейшими страницами нашего освободительного движения. Достаточно назвать Петропавловскую крепость. Достаточно назвать Шлиссельбургскую крепость. Достаточно назвать более общедоступные «Кресты» (смех), в которых редко кто из нас не имел облюбованной камеры, а то и две, если не три.

Питер — живая история нашей революции (полу жирным выделено в источнике. — Я.Ч.)» [8, с. 2].

Слова Зиновьева соответствуют основным положениям «социального заказа» на создание новой топографии Петербурга-Петрограда, в которой на место прежних доминант города: Адмиралтейства, «Александринского столпа» на Дворцовой площади, Исаакия, Невского проспекта и т. д., приходят новые — улицы и переулки с нелегальными типографиями; дома, где собирались революционеры, а также тюрьмы, одной из которых, наряду с печально знаменитыми «Крестами», является Петропавловская крепость.

В первой части диптиха Шкапская вводит образ корабля (первая строфа), сравнивая с ним бывшую царскую тюрьму. Ночь («звездные качели»), так же, как и в упомянутом выше стихотворении Андреевского, преображает Петропавловку. Упоминание зодчего Растрелли как строителя не только крепости, но и многих зданий Петербурга, образующих его неповторимый ансамбль, контекстуализирует образ корабля: перед нами не просто судно, но судно изящное, сделанное умелой рукой опытного мастера и гармонирующее с окружающими его постройками, отвечающее их духу. Вместе с тем, как следует из второй строфы, судно это оказывается без матросов: «Но не видать матросских лиц / С кормы недвижимой и зеленой» [20, с. 63]. Таким образом, корабль перед взором лирической героини предстает как обездвиженное судно, видимое с Биржевого моста. Притом оказывается (из-за введенной в третьей строфе категории вечности), что корабль прикован к своей гавани. «И *вечно* (курсив наш. — Я.Ч.) с моста Биржевого / Тебе положена чреда: / Ты в новый путь всегда готова, / Но не отчалишь никогда» [20, с. 63]. В результате возникает парадоксальная картина: перед нами корабль, но корабль обездвиженный, без характерных для него атрибутов (якорь, паруса, матросы — только последние и упомянуты в первой части стихотворения Шкапской). Раз судно не может позволить себе плыть, то, следовательно, у него какая-то иная функция.

В начале статьи мы говорили о том, что Петропавловская крепость не использовалась по своему прямому назначению. В диптихе Шкапская развивает этот тезис. Известно, что в европейской культуре символ корабля имеет множество значений [7, с. 159–160]. Одно из них — знак матки и колыбели — актуализируется в диптихе благодаря уподоблению Петропавловки невесте Петра I. Мотив материнства, аспекты которого разработаны в первой книге Шкапской «Mater Dolorosa» (1921), получает иное развитие. От неутешной (по разным причинам) матери поэтесса переходит к наброскам образа матери-защитницы. Ее «петрова невеста» готова, как мы узнаем из второй части диптиха, стоять насмерть за петрово дело («Стоишь — на смерть Петру верна...»), а также, по-видимому, и за детей, рожденных от императора (об этом Шкапская пишет

в другом стихотворении, где также упоминается Петропавловская крепость — «Россия»: «И каждой ночью зачинает / Она — и носит до утра, / А поутру родит, стеная, / Детей с походкою Петра» [20, с. 61]). Недаром такую мать поэтесса сравнивает с кораблем-крепостью, в образе которого сливаются воедино значения безопасности и целомудрия.

Созидание (образ матери-защитницы) противопоставлено у Шкапской революционным преобразованиям Петрограда. Перемена топографии города, которую хотели изменить новые власти (во главе с Зиновьевым) посредством переименования улиц, означала в начале 1920-х одно — изменение судьбы «Северного Парадиза». Но уже на начальном этапе большевистские планы встретили решительный протест интеллигенции, который нашел отражение в том числе и в литературе. Петроград был переполнен «артефактами» императорской России, которые невозможно убрать за короткий срок. Для Шкапской Петропавловская крепость оказалась тем гением места (Анциферов), который аккумулирует в себе зерно европейских преобразований Петра I. Петербург, построенный в соответствии с представлениями императора о Европе, благодаря этому оказался тем местом, жители которого вполне способны защитить достижения цивилизации от посягательств «азиатских орд», с которыми сравнивали большевиков (см., например: «Звезду Вифлеема» Вагинова). Символом оборонительной политики петроградской интеллигенции в пореволюционном творчестве Шкапской становится Петропавловская крепость. С ней поэтесса связывает свои упования на возможное сохранение дореволюционной культуры, поскольку женщина, невеста, способна передать нужный, «петровский ген» последующему поколению.

Феминизация образа крепости, места, с которого начался Петербург, меняет аксиологию местности, вносит свои корректировки в миф о возникновении города. Не Царь-демиург, «Медный всадник», подчинив себе стихии, одев в гранит улицы и площади, создал «Северный Парадиз», «город пышный, город бледный», а мать, императорская невеста, дала жизнь Петербургу, выносила в себе детей петровых, которые продолжили дело своего отца. Их черты находит в себе лирическая героиня Шкапской: «Стоишь — на смерть Петру верна, / И вечно горькой крови нашей / К твоим губам поднесена / Неупиваемая чаша» [20, с. 64].

Образ Неупиваемой чаши, наполненной кровью, требует истолкования. В стихотворении Шкапской акцент сделан на предмете, на чаше, которая в иконографии Божией Матери изображается как сосуд для Святого Причастия. Следовательно, к губам петровой невесты — Петропавловской крепости — подносится не что иное, как потир с символической кровью, но не Христа, как это было бы при таинстве Евхаристии. Тогда чьей же? Шкапская употребляет местоимение «нашей» («И вечно горькой крови нашей...»), вероятно подразумевая под этим тех, кто считал, как и она сама, что Петр принес России больше блага, чем бедствий. В контексте дискуссий начала 1920-х гг. о роли личности в истории подобное поэтическое выступление говорило о несогласии поэтессы с линией, которую проводила власть.

С приходом большевистской власти значения топонимов для коренных петербуржцев не изменились: Шкапская не разделяла стремлений «отмыть» город от «царского наследия», сменить его топографию, на чем настаивал Зиновьев. Ее стихотворение следует считать откликом на дискуссию о роли Петра I в истории России. Петропавловская крепость в творческом воображении поэтессы связана не с революцией, а с петровским периодом русской истории, и значение ее для Петербурга выходит далеко за рамки одного только тюремного надзора. Крепость становится симво-

лом исторического бытия города, которое не прекратилось с приходом большевиков. В художественном мире поэтессы Петропавловка из тюрьмы превращается в невесту, которой предстоит выносить продолжателей дела первого российского императора.

Шкапская не конкретизирует концепцию «петрова дела», сосредоточившись исключительно на мотиве материнства, характерном для ее поэзии в целом. Лирическую героиню мало заботит смысл рождения детей, важен сам процесс воспроизводства, поскольку через него появляется вероятность пережить «темные времена» поправки наследия Петра I, сохранить «культурный ген» в «популяции», противостоящей большевистским преобразованиям. С этим связана метафора невесты-Петропавловки, которая, благодаря деторождению способна защитить и передать ценности, отстаиваемые петербуржцами, занявшими пропетровскую позицию после революции.

Список литературы

Исследования

- 1 *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга // *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга: Приложение к репринт. воспроизведению изд. 1922, 1923, 1924 гг. М.: Книга, 1991. 420 с.
- 2 *Гачева А. Г.* Философ в диалоге с поэтом: письма А. К. Горского М. М. Шкапской // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения.* М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. С. 261–293.
- 3 *Грякалова Н.Ю.* Шкапская Мария Михайловна // *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т.* М.: ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. Т. 3. С. 728–729.
- 4 *Литвинова О. Н.* От Маруси Андреевской к Марии Шкапской (Рукописная тетрадь стихотворений 1903–1907 гг.) // *Текст и традиция: альманах, 8.* СПб.: Росток, 2020. С. 137–176.
- 5 *Миц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А.* «Петербургский текст» и русский символизм // *Труды по знаковым системам. XVIII. Семиотика города и городской культуры.* Петербург. Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. С. 78–92.
- 6 *Московская Д. С.* Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 432 с.
- 7 *Тресиддер Дж.* Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

Источники

- 8 IV Сессия В.Ц.И.К. Внеочередное предложение тов. Зиновьева // *Известия.* 1922. № 246 (1685). 31 октября. С. 2
- 9 *Белый А.* Петербург / изд. подгот. Л. К. Долгополов. М.: Наука, 1981. 696 с.
- 10 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. Подросток / текст подгот. Г. Я. Галаган. 456 с.
- 11 *Зарубин И. И.* Альманах-путеводитель по С.-Петербургу / сост. И. Зарубин. СПб.: Паровая тип.-литограф. Муллер и Богельман, 1892. 239 с.
- 12 *Кеннан Дж.* Русская политическая тюрьма: Петропавловская крепость: перевод с английского / Кеннан Дж. Издание В. Врублевского, 1906. 56 с.

- 13 Кулешов И. Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений: с 90-х годов по октябрь 1917 года. М.: ОГИЗ: Молодая гвардия, 1931. 133 с.
- 14 Москва — Петербург: pro et contra: диалог культур в истории нац. самосознания: антология. СПб.: Республиканская художественная гимназия-интернат, 2000. 711 с.
- 15 Поэты 1880–1890-х годов / вступ. ст. и общ. ред. Г. А. Бялого; сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Л. К. Долгополова, Л. А. Николаевой. Л.: Сов. писатель, 1972. 724 с.
- 16 Пругавин А. С. Петропавловская крепость: Очерк 1. Декабристы. Ростов-н/Д.: Изд. Н. Парамонова. «Донская Речь» в Ростове н/Д, 1906. 24 с.
- 17 Сологуб Ф. Мелкий бес / изд. подгот. М. М. Павлова. СПб.: Наука, 2004. 896 с.
- 18 Толстой Л. Н. Воскресение / изд. подгот. Н. К. Гудзий и Е. А. Маймин. М.: Наука, 1964. 601 с.
- 19 Хайкевич Р. М. Петропавловская крепость и Шлиссельбург. М.: Народопрывство, 1917. 15 с.
- 20 Шкапская М. Час вечерний. Стихи. СПб.: Лимбус Пресс, 2000. 192 с.
- 21 Щеголев П. Е. Алексеевский равелин: Книга о падении и величии человека. М.: Федерация, 1929. 380 с.

© 2023. Yakov D. Chechnev
Moscow, Russia

**FEMINIZATION OF THE TOPONYM:
“PETER AND PAUL FORTRESS” BY M. M. SHKAPSKAYA**

Acknowledgments: The research was carried out at A. M. Gorky Institute of World Literature RAS with financial support from the Russian Science Foundation within grant No. 19-78-100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>.

Abstract: The paper examines the urban originality of the poetic diptych by M. M. Shkapskaya “Peter and Paul Fortress” (1922). The author highlights the way the “Russian Bastille” is perceived in the literary tradition and in which of the reception lines the poetess fits herself. The architectural structure receives an individual author's interpretation, becoming the bride of Peter the Great in M.M. Shkapskaya's creative world. Thus, one of the key motifs of the poetess's creativity (the motif of motherhood) develops. The study shows that the image of the Petropavlovsk bride originates in the poem “About Petersburg” (1915), written in Toulouse. The poetess likens St. Petersburg to a bride “with a smoky crumpled veil”. The unexpected feminization of the city, to which the literary tradition attributes a “masculine” character (in comparison with the “feminine” Moscow), does not receive further development in the poem, remaining unexplained. After the revolution, the image of bride reappears in Shkapskaya's poetry. Using the example of a specific locus of St. Petersburg, the poetess builds a historiosophical concept associated with Peter I. The Peter and Paul Fortress turns out to be the bride of the first Russian emperor, raising his children. Shkapskaya's poem should be considered as a response to the discussion of the early 1920s about the role of Peter I in the history of Russia. The fortress becomes a symbol of the historical existence of the city, which did not stop with the arrival of the Bolsheviks.

Keywords: Shkapskaya, Peter and Paul Fortress, Urbanism, Construction, Femininity.
Information about the author: Yakov D. Chechnev — PhD in Philology, Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 a, 121069 Moscow, Russia.
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9439-0430>
 E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru
Received: September 6, 2022
Approved after reviewing: October 24, 2022
Date of publication: June 28, 2023
For citation: Chechnev, Ya. D. “Feminization of the Toponym: ‘Peter and Paul Fortress’ by M. M. Shkapskaya.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 68, 2023, pp. 213–224. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-213-224>

References

- 1 Antsiferov, N. P. *Dusha Peterburga; Peterburg Dostoevskogo; Byl' i mif Peterburga [The Soul of St. Petersburg, Dostoevsky's Petersburg, The Past and the Myth of St. Petersburg]*. Moscow, Kniga Publ., 1991. 420 p. (In Russ.)
- 2 Gacheva, A. G. “Filosof v dialoge s poetom: pis'ma A. K. Gorskogo M. M. Shkapskoi” [“The Philosopher in Dialogue with the Poet: Letters of A. K. Gorsky to M. M. Shkapskaya”]. *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia [Textual Timeline. Russian Literature of the 20th century: Issues of Textual and Source Studies]*, book 3: Pis'ma i dnevniki v russkom literaturnom nasledii XX veka [Letters and Diaries in the Russian Literary Heritage of the 20 Century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 261–293. (In Russ.)
- 3 Griakalova, N. Iu. “Shkapskaia Mariia Mikhailovna” [“Shkapskaya Mariya Mikhailovna”]. *Russkaia literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: biobibliograficheskii slovar': v 3 t. [Russian Literature of the 20 Century. Prose Writers, Poets, Playwrights: Biobibliographical Dictionary: in 3 vols.]*, vol. 3. Moscow, OLMA-PRESS Invest Publ., 2005, pp. 728–729. (In Russ.)
- 4 Litvinova, O. N. “Ot Marusi Andreevskoi k Marii Shkapskoi (Rukopisnaia tetrad' stikhotvorenii 1903–1907 gg.)” [“From Marusia Andreevskaya to Maria Shkapskaya (Handwritten Notebook of Poems 1903–1907)”]. *Tekst i traditsiia: al'manakh, 8 [Text and Tradition: Almanac, 8]*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020, pp. 137–176. (In Russ.)
- 5 Mints, Z. G., Bezrodnyi, M. V., Danilevskii, A. A. “‘Peterburgskii tekst’ i russkii simvolizm [“The ‘Petersburg Text’ and Russian Symbolism. Peterburg”]. *Trudy po znakovym sistemam. XVIII. Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury [Works on Sign Systems. 18. Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg]*. Tartu, University of Tartu Publ., 1984, pp. 78–92. (In Russ.)
- 6 Moskovskaia, D. S. *Antsiferov i khudozhestvennaia mestnografiia russkoi literatury 1920–1930-kh gg.: K istorii vzaimosviazei russkoi literatury i kraevedeniia [Antsiferov and Artistic Localography of Russian Literature of the 1920–1930s: On the History of the Interrelationships of Russian Literature and the Local Lore studies]*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010. 432 p. (In Russ.)
- 7 Tresidder, Dzh. *Slovar' simvolov [Dictionary of Symbols]*. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 1999. 448 p. (In Russ.)